

Юрий Сенчуров: Об одном затмении в отечественной культуре

Исполнилось 40 лет, как Юрий Николаевич Сенчуров вступил в Союз журналистов. Сразу же стал членом секции литературной критики: к тому времени его статьи были опубликованы в нескольких центральных журналах. Он с отличием окончил Литературный институт имени М. Горького, работал в издательстве «Художественная литература», заведовал отделами в редакциях журналов «Огонёк» и «Октябрь».

Перейдя на внештатную работу (в 60 лет...), посвятил себя популяризации творчества отечественных и зарубежных писателей и учёных. Он автор повести о А.Л. Чижевском «Солнцепоклонник»; эссе о творчестве члена Французской Академии Клода Фаррера, отмеченного французской критикой.

Юрий Николаевич подготовил и представил читателю собрания сочинений и однотомники Алексея Чапыгина, Ивана Наживина, Н. Северин (Н.И. Мердер), Даниила Мордовцева, Рафаила Зотова, Валериана Светлова, Клода Фаррера, Грегора Самарова (Оскара Мединга). Особо стоит отметить его работу по изданию первого в России собрания сочинений классика английской (и мировой) литературы Томаса Харди и собрания сочинений писателя-эмигранта Василия Ивановича Немировича-Данченко...

Жизни и творчеству Василия Ивановича Немировича-Данченко Ю.Н. Сенчуров посвятил представленный Вашему вниманию очерк

ОБ ОДНОМ ЗАТМЕНИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Попробуйте спросить о...

– Василий Иванович Немирович-Данченко? Ну как же!.. Известный был театральный деятель.

А другой, более «знающий», еще и поправит:

– Только, извините, не Василий, а Владимир.

Увы! До сих пор мы, в большинстве, и даже подчас с «высшим гуманитарным», помним лишь одного Немировича-Данченко. Один он и в обеих наших энциклопедиях, Большой и Малой, один – в наименовании театра Станиславского и Немировича-Данченко...

Наконец, в Гуманитарном энциклопедическом словаре (2002 г.) объявили второго В.И.Н.-Д. (нельзя было больше его не объявлять) – Василия Ивановича. Ну, конечно, и здесь – прежде всего, что он... «брат». Брат Владимира Ивановича Немировича-Данченко. Всегда в словарях обозначение кого-то в качестве родственника означает его меньшую роль в Истории. Еще бы: дважды лауреат Сталинской премии, народный артист СССР – один, и эмигрант – другой...

Да нет, не перераспределение здесь тех «ролей», которые сыграли в нашей отечественной культуре эти родные братья. Отнюдь! Замечательная деятельность Владимира Ивановича Немировича-Данченко по реформированию русского театра была широко известна и до революции. Но – с другой стороны:

«В России нет грамотного человека, который не знал бы Василия Ивановича Немировича-Данченко. Несколько поколений русских читателей выросли на его книгах. Деды, отцы, внуки – Немировича знали все: от солдата до царя, от семинариста до митрополита, от гимназиста до... Плеханова».

Да, сказано это было тогда и нам, живущим в родных пределах – но уже именно что с *другой стороны*, в издаваемой эмигрантами газете «Русское эхо»... В день юбилея писателя.

С юбилеем поздравляли Василия Ивановича по старому исчислению времени – 23 декабря 1924 года, а если «по новому» – его 80-летие «ушло» бы в следующий, 1925-й. Скажете: ну и что из того – хотя и в следующий? Однако, судя по воспоминаниям эмигрантов, «старый» календарь имел в их жизни значение особое... Ибо, хотя во всех своих тех «европах», «америках», «австралиях»... жили они уже не временно, не проезжими любознатцами, а – *до конца*, так что не могли не считаться с новым календарем (введение его было и одним из первых шагов Советской власти), но... как раз в отмечаемые ими по старому стилю – Рождество, Пасху, Троицу, в дни своих рождений и именин жили они, русские люди, хотя бы в эти дни – в России...

Но откуда составители упомянутого Словаря взяли, что «родился Вас. Ив. Н.-Д. в 1848/49»? Ведь в 1862-ом он уже окончил кадетский корпус, а в следующем году поступил в университет – так ведь не тринадцати же лет отроду. Опять же – эта его знаменитая «Поездка с богомольцами в Соловки»... Невозможно такое, ставшее тогда известным всей читающей России (и не только России, и не просто «читающим», но – ученым, литераторам, государственным и политическим деятелям) – совершить такое паломничество-исследование еще в молодые годы, в двадцать пять лет (ездил и писал в 1873-ом, напечатал в 1874 году). Карл Маркс прочел «Соловки» (по-русски) сразу же после философских работ Чернышевского. ...Ну да и не для того только, чтобы исправить эту ошибку, приведем здесь выписку из метрик Тифлисского кафедрального собора за 1845 год под № 1: «...у капитана Ивана Васильевича Немировича-Данченко, Православного исповедания, и законной жены его Александры Каспаровны, в девичестве Якубовой, Армянской веры, родился сын Василий, 23 декабря 1844-го и крещен 8 января 1845-го»[\[*\]](#).

Да, мать писателя – армянка, отец ... как тогда говорили, «принадлежал к дворянской украинской фамилии». Между тем, сам Василий Иванович знал себя русским. Что еще раз говорит о том, что русские мы – прежде всего духовно.

То есть, разумеется, принадлежность по крови к тому или иному

народу вполне может сказаться на характере, на темпераменте человека... И хотя «кавказская тема» не была первой в творчестве писателя, однако, – Василий Немирович-Данченко на Кавказе родился, здесь аккумулировал в себе столько солнечной энергии, что хватило на полные его три четверти века в литературе. О родном крае изданы им десятки книг, самые значительные из них романы: «Горные орлы», «Горе забытой крепости», «Разжалованный», «Князь Селим». О многом из того, что происходит сейчас на Кавказе, задумываешься при чтении этих романов...

Да, признает автор, конечно же, приход России на Кавказ – это и участие в судьбе народов-единоверцев (геноцид против христиан подчас принимал здесь уже не стихийные, а государственно управляемые формы, отсюда десятки посольств с мольбой о присоединении армянского, грузинского и осетинского народов к России – и скольких тысяч своих сынов стоило России это спасение!). Однако писатель Василий Немирович-Данченко изображает в своих «кавказских» произведениях состояние душ, совершенно отличное от нынешнего, например, в Чечне... Враги тогда уважали друг друга – было тогда за что друг друга уважать! Все-таки, в отличие потом от советской, царская власть оставила внутреннюю жизнь кавказских народов им самим (свободу вероисповедания, местное самоуправление, суд).

Прекрасное знание автором горской, казаческой, гарнизонной жизни помогало ему написать картины Северного Кавказа, интереснейшие по национальному и природному колориту. Долг, честь, священное чувство защиты родной земли, благородство – все это, переплетаясь в обстоятельствах и борьбе, тем более ярким высвечивало чувство, не знающее ни границ, ни наций – чувство любви. Или – такие, всегда присущие горцам черты, как мужское достоинство, верность слову, данному хотя бы противнику. Уже даже в небольшом по своему объему рассказе «Страшные люди» достаточно хорошо передано это беспримерное по благородству чувство – не окончательное, тогда еще невозможное примирение, но – куначество. Та вражда-дружба лезгин и

русских, которая впоследствии вылилась в такое тесное вхождение в обычаи, сказать шире, в народную культуру друг друга.

Начало жизни будущего писателя было походным, в передвижениях по местам службы главы семьи... Боевого офицера, снискавшего расположение как начальства, так и местного населения также в качестве военного администратора.

Затем, как и было положено в таких, потомственно военных семьях – семь лет в том самом «корпусе», в который собирался в упомянутом рассказе отдать сына комендант Дербента (в кадетском училище). И... можно себе представить, какая ломка привычек и представлений о жизни предшествовала решению выпускника корпуса вступить не на офицерское поприще, а в университет (Петербургский, в <st1:metricconverter productid=»1863 г» w:st=»on»>1863 г</st1:metricconverter>.). «Призвала» Литература: стихи «кадета Вас. Н.-Д.» были напечатаны в 1858 году в «Журнале для воспитанников военно-учебных заведений».

Но «призвала-то» она, литература, духовно, а жить физически на первые гонорары было ох как трудно! И не только «на первые». И не только – ему одному... Потом Василий Иванович вспомнит из «писательской жизни» того времени:

«Тогда я еще всего тверже, лучше чем в редакции, знал дорогу к ростовщикам. Впрочем, не забывали эту дорогу, «закладывали» и те, кто был постарше меня: Глеб Успенский, Мамин-Сибиряк, Помяловский... Как-то появился здесь, во время одного из таких наших «посещений», Александр Слепцов – больше, правда, революционер, чем литератор... Увидел около дома знакомых, застеснялся, потом обронил, как бы мимоходом: «Я, знаете ли, сюда к одной даме...».

Так мы потом ростовщиков и называли: «слепцовскими дамами». Однажды у одной из таких «дам» (знаменитого Карповича – 10 процентов в месяц и за первый – вычет вперед!) я натолкнулся

на поэта Якова Полонского, меланхолически мне заметившего: «Музы, мой юный друг, те же дамы – они дорого стоят...»».

При оформлении заклада расписывались... Рассказывали, что некоторые из ростовщиков впоследствии хорошо заработали на продаже автографов знаменитых писателей.

Стоит также в этой («материальной») связи привести здесь и отрывок из воспоминаний о нашем великом поэте...

Однажды Василий Иванович, тогда еще совсем молодой литератор, на ночь забыл закрыть дверь комнаты, снимаемой им в «доходном доме». Наутро гость (писатель Мордовцев) застал его все еще в постели: не во что было даже одеться... Разделив пополам то немногое, что у него было, Мордовцев известил о случившемся те редакции, в которые они оба были вхожи...

«Некрасов приехал сам. Вошел насупясь, и прежде всего, хрипло и отрывисто облаял меня.

– ...Нечего сказать – картина: лежит наги – известный «подающий надежды», как облупленное яйцо. Штанов и тех нет.

И вдруг тон его стал мягок, глаза смеялись:

– Тут около портной Подшивалов... отошлите ему мою карточку, напишите, что я велел... Он завтра же вас оденет.

...Ушел. Под подушкой – визитная карточка, триста рублей.

Через два месяца прихожу... Николай Алексеевич мрачен, как осенняя ночь, хрипит больше обыкновенного...

– Чего вам?

– Долг принес.

– Какой еще?... Когда это молодые писатели редакциям долги платили? Ну да, если это уж так у вас на совести... Вон, говорят, Омудевский нуждается. И примета скверная: возьму с вас долг и вдребезги – в Сельскохозяйственном!..

Рядом с Сельскохозяйственным банком находился тогда игорный дом – и не одна тысяча помещичьих вкладов из того банка пошла на поддержание редактируемых Николаем Алексеевичем журналов...».

Впрочем – для тех читателей Воспоминаний, кто не привык в них к «столь низким материям», – из воспоминаний об Ив. Ив. Шишкине... Не соглашаясь с художником в его, скорее мимолетном, принижении красоты лиственного леса... хотя бы, например, той же милой русскому сердцу березовой рощи, Василий Иванович все-таки «приводит» его монолог:

«В лесах наших что-то церковное... Особенно в сосновых, в борах. Точно тысячи паломников без слов, про себя, молятся, слышен стихийный шорох. На юге дело другое, там лес легкомысленный, болтливый, кудрявый, каждое там дерево само по себе... Чуть с ним заговорит ветер – оно и радо поболтать о своем, о соседях же ему и дела нет. У нас же, на севере, лес общинный, весь живет одной душой... Лягте на сосновую осыпь, закройте глаза – и вам покажется, что все эти стройные мачтовые богатыри кругом ... полны одною общею, разлитую во всех них мыслью.

...И сам Иван Иванович был похож на лесного богатыря, обросшего несокрушимую корю».

...Однако, возвращаясь к теме «духовного призыва» в жизни Вас. Ив. Немировича-Данченко, отметим: армия, солдаты и офицеры, станут той средой, в которой потом пройдут многие и многие его дни. А сам он в российской армии будет признан «авторитетнейшим из военных писателей».

Так, в 1876 году, уже будучи широко известным читающей России, он – среди русских добровольцев, сражающихся за свободу Сербии. Был на этой войне и отмечен – орденом Святого Георгия и... турецкой пулей. Но через год – возвращается на Балканы, на этот раз в Болгарию, за свободу которой вступилась тогда Россия... Изданную затем книгу («Год войны», 1879) – еще раньше в качестве репортажей боевого корреспондента перепечатали из русской периодики все крупнейшие газеты Европы, Америки, и

даже одна из газет Стамбула – настолько ярки и достоверны были свидетельства очевидца этой войны. По возвращении же домой все увиденное и пережитое переплавлялось в художественные произведения; из них, о войне в Болгарии у Немировича-Данченко – наиболее значительный роман «Боевая Голгофа».

Затем писатель становится горестным очевидцем сначала русско-японской (он ее называл «слепой войной»), а затем и русско-германской войн... О первой из них, кроме нескольких книг рассказов и очерков – роман «На братских могилах», о второй – сразу вошедший в его очередное «новое» собрание сочинений – роман «Под дамокловым мечом». Да, если к его литературным свидетельствам о прежних войнах еще как-то и применимо высказывание одного из его современников: «...он словом, как Верещагин кистью, обслуживает многих приверженцев батальной живописи» (как видим, сам тон этой довольно односторонней характеристики не очень дружелюбен к ним обоим), то теперь взгляд писателя на войну как таковую становится куда более критическим... То есть все та же любовь к русскому солдату и в рассказах «Порт-Артур», «Ave Maria», но уже – отход здесь от того российского государственного патриотизма, который был столь жесток и действительно слеп в борьбе с японцами за корейские и китайские, а с немцами за польские земли. Не потому ли еще мы пожали на кровавых нивах тех «слепых» и ненужных народу войн... наши революции и гражданские войны?

Но как еще до таких горьких раздумий было «Немировичу» счастливо далеко, когда в 1868 году, сразу же после окончания университета, он не мог более сдерживать свою давнюю (не со времени ли походного детства?) страсть к путешествиям... И никто потом в России, ни один литератор, не описал столько – а, главное, равно хорошо, ярко – своих странствий, как Василий Немирович-Данченко.

Питомец жаркого юга России (о нем, Кавказе и Крыме, – тоже потом напишет немало книг), сначала кинулся он в такую «Беспросветную глушь» Севера, за описание которой, не думая об этом, не гадая, был рекомендован и принят в члены Русского

географического общества. Но, конечно же, его книги («На Далеком Севере», «Страна холода», «За северным Полярным кругом», «Новая Земля», «В пустынях Лапландии», «Мурманская страда», «Затерянные в океане». «Свет во мраке светит» и еще немало других) читающая Россия приняла не как «географию», а как художественные картины, как Слово о Русском Севере.

Тем более, что эта почти безлюдная «сторона» издавна привлекала к себе и людей деятельных, «охотников до морского зверя», и тех, кто искал близости к Богу – вдали от людей... Однако именно их «пустыни», основанные ими здесь монастыри, и становились центрами духовного притяжения многих. Сюда шли, чтобы найти здесь себя, утвердиться в вере, которая помогала выстоять во всех невзгодах, болезнях тела, но главное – души... Шли – подчас с последней копейкой, шли, готовые своими руками помочь в Божьем деле – обустройстве монастырского хозяйства. Многие оставались здесь на всю жизнь – для молитвы и для труда, трудниками и монахами. В основном это были крестьяне.

Так (основанный еще в 1429 году), начал расти, притягивая к себе трудников и паломников со всей христианской Руси, и Соловецкий монастырь...О котором в 1874 году в журнале «Вестник Европы» напечатал свои «Воспоминания и рассказы о поездке с богомольцами в Соловки» Василий Немирович-Данченко. Первым, с похвалой, откликнулся на эту публикацию Тургенев (в письме к редактору журнала М. М. Стасюлевичу). В одном из немедленных в печати откликов литературной критики говорилось: «Живой, содержательный очерк написан в беллетристической форме, с редким умением придать ему общий интерес...».

«Общий интерес» этому очерку (отдельным изданием, под названием «Соловки» он затем выходил множество раз) придавало не только, как выразился о нем Тургенев, отличное литературное исполнение (чего стоят одни лишь описания уникальной северной природы), но, главное, глубокое вхождение в жизнь насельников Соловецкого монастыря – жизнь, которая на самом деле была в течение нескольких веков жизнью монахов-крестьян. И каких замечательных результатов добилось это русское крестьянское

царство и в духовном и в экономическом отношениях!

Конечно, каждый и в литературном произведении видит свое... Например, Карла Маркса (старательно, ученически аккуратными русскими буквами вписал он «Соловки» в каталог своей «Русской библиотеки») вряд ли при чтении взволновало наполняющее эту книгу национальное чувство русского человека – скорее, его занимал изображенный в книге свободный труд: «Возможен ли такой труд в обществе, освобожденном от эксплуатации человека человеком?» Можно предположить, что император Александр Второй, прочитавший «Соловки» по представлению своего библиотекаря, между прочим задумался о том, почему в Соловецком монастыре мало – так мало по сравнению с боярскими временами – представителей потомственно благородного сословия, которое он недавно освободил... от потомственного позора рабовладения. Тургенев, прочитав книгу, наверное вспомнил виденное и слышанное им из монастырской жизни. «Однако же... – может быть, подумал Иван Сергеевич, – какие разные типы русского человека вдруг объявились вместе... со всей Руси сошлись на этой святой земле в одной жажде».

...О многом, в связи со всем пережитым потом несколькими поколениями, задумаешься теперь при чтении этой книги.

...Из предисловия к английскому изданию другой книги: «Немирович-Данченко – один из выдающихся русских романистов, живо описывает в «Биржевых магнатах» нравы и манеры петербургских биржевиков, выводя их «детьми Каина».

В самом деле. В этом романе о капиталистическом строе России много такого, о чем теперь правнуки дореволюционных рабочих не хотят знать (подобно правнукам крепостных рабов в их нынешней ностальгии о «поручиках Голицыных»). Да и сами предприниматели подчас слишком были далеки от Третьяковых и Морозовых... Вот, например, Капитону Бубнову государство заказало построить железную дорогу... Другой предприниматель, Минк, убедил Бубнова выдать ему «договор-заказ» на то, что он поставит ему шпалы. Получил Минк документ, а на другой день потребовал от Бубнова

отступного... «За что?» – изумился тот. – «А чтобы я вернул тебе этот договор: шпалы-то я не подумаю тебе... А станет их поставлять тебе кто другой, – и я тогда поставлю их к сроку: золотыми тогда будут для тебя эти шпалы; за неустойку же в случае... опять же мне...». Повертелся, повертелся Бубнов – да и отвалил Минку семьдесят пять тысяч.

Впрочем, и сам-то он, Бубнов, – художника Короткова обозвал «малой душой» – после того как продал тот ему свою красавицу-жену за сто пятьдесят тысяч. Но Бубнов только потому и назвал Короткова «малой душой», что мало тот попросил...

И – на ту же тему в связи с другим романом, – пишет в конце прошлого века уже наш, отечественный критик: «Капиталистический строй – одна из туманных, скрытых пока драм русской современности. Она не могла не поразить, не задеть за живое Василия Немировича-Данченко – наблюдательного и впечатлительного художника слова. У него и вылился роман «Волчья сыть», посвященный этому нахлынувшему на нашу жизнь бурному потоку, владычеству капитала. Здесь писатель сошелся с другим нашим романистом, с Маминым-Сибиряком, и во многих отношениях представил эту драму рельефнее и сильнее. Он дал яркие, выхваченные из жизни фигуры».

«Волчья сыть» (1896 г) – это первый русский роман, изданный в Германии после установления в России советской власти. Читатель-эмигрант хотел возвратиться к тому в дореволюционной литературе, что хоть как-то – и даже, может, лучше, что «оттуда», как бы задним числом – прояснит причину произошедшей в стране трагедии... Капиталисту Безменову в романе противостоят не революционеры, не рабочие, а дворяне и крестьянские общины – и тем разительнее их крах. Поднимается в романе и тема отчуждения помещиков от деревни: ее вчерашние хозяева знать больше не захотели после 1861 года тех, многими поколениями которых владели и кто считал их не просто своими владельцами, но и защитниками от внешнего мира.

И потому с фразой, ставшей уже штампом – «писатель не принял Октябрьской революции», – наши историки литературы слишком поторопились в отношении Василия Немировича-Данченко... Из советской России он уехал лишь в 1922 году.

«...все чего-то ждали мы. Не нам-де судить грозу и бурю. Так трудно было нам, интеллигенции, признать бессмыслие событий, которых мы с сердечным трепетом ждали всю нашу большую, подготовившую их жизнь».

Но вот записи автора воспоминаний (да, их Василий Немирович-Данченко оставил нам множество (не забыть назвать лучшие из них: «Скобелев» и «О Чехове»), здесь речь о рукописи «Иов на гноище») становятся все трагичнее, он как бы вновь, по ходу времени своего пребывания в послереволюционном Петрограде, все больше впадает в отчаяние, рассказывает истории (их подлинность не сможет опровергнуть никто), которые уже сами по себе не уступают в оригинальности фабулам самых известных пьес... Вот осужденные на расстрел разыгрывают для себя в тюремной камере, чтобы отвлечься от действительности, какой-то спектакль, чекист вызывает Алфимова, слышатся со двора выстрелы. Потом выясняется, что на вызов отозвался не Алфимов, а Ефимов. Общий хохот... Спектакль в камере продолжается...

Или – о Николае Гумилеве:

«На другой или на третий день после мученической смерти поэта, одна из его восточных пьес была поставлена в коммунистическом театре. В первом ряду сидели комиссар Чека и двое следователей. Они громко аплодировали и... вызывали автора».

Эти воспоминания были написаны уже в эмиграции, в Праге, в городе, который Василий Немирович-Данченко любил благодарной любовью и где прожил до конца своих дней. Написаны они судорожно, литературно не обработаны: автор не хотел их публикаций в течение еще долгого времени (они и не опубликованы до сих пор), опасаясь как христианин, что рассказом о жестокостях одного поколения может ожесточить

поколение следующее...

Необыкновенная писательская продуктивность Вас. Ив. Н.-Д. удивляла многих. Еще Салтыков-Щедрин высказался об этом в свойственном ему ключе: «Немирович работает днем, а Данченко ночью». Критик начала 20 века в своем обзоре новинок литературы похвалил очередную его книгу следующим образом: «Немирович-Данченко пишет так много, что иногда хорошо...». Да, уже к тому времени было им издано только нового примерно на шестьдесят томов. Однако же, продолжая этот последний каламбур, стоит и сказать так: как же много работал этот писатель, если он наработал так много хорошего. Некоторые его книги переиздавались до десяти раз! Даже не сразу вспоминаются все темы, на которые писал великий труженик пера. В связи с военной – это еще и почти документальные зарисовки «Незаметных героев», галерея портретов сестер милосердия. На тему христианства – почти классические рассказы, например, «Забывший рудник», «Бог простит»... Его рассказы для детей Толстой рекомендовал в хрестоматии. И даже в Русском Зарубежье, в этом, как он говорил, разумеется, с грустью, «последнем томе моей жизни», Василий Иванович Немирович-Данченко был одним из самых работоспособных писателей. Ему уже подходило под девяносто, а новые главы его романа (условно назывался «Она. Роман странствий»... правда, завершить это произведение писатель не успел) буквально выхватывали с его письменного стола, чтобы печатать в газетах немедленно, причем в редакциях чешских досадовали, что русские газеты эмигрантов их опережали с публикациями, ведь текст еще надо было перевести...

И даже в такие лета, при неослабевающей литературной работе, Василий Иванович Немирович-Данченко оставался тем же инициатором борьбы за общеславянское единство, каким знали его еще со времен Балканской Освободительной войны. (О 125-летию которой, самой бескорыстной и жертвенной из всех войн в мировой истории, о ста тысячах погибших тогда за свободу балканских стран наших соотечественников, мы, в современной России, позорно забыли: после многих торжеств, посвященных ей

в СССР в 1977–78 гг., сотен тогда публикаций – в 2002–2003-ем – всего одна книга!) [\[†\]](#)

Надо сказать, в этой своей деятельности Немирович-Данченко находил поддержку у президентов Польши и Чехословакии, а его поездка в 1930 году по славянским Балканам привлекла внимание всего Русского Зарубежья. В Софии и Белграде встречали его музыкой оркестров, почетным прохождением воинских частей, немедленно по приезде принимали его монархи, лично вручали высшие ордена своих стран. ...Писатель Иван Шмелев – после этой его поездки: «Сердечно приветствую вас с приемом, оказанным Вам в славянских столицах! Иначе и быть не могло: ни один русский литератор и журналист не болел так искренне всем сердцем за славян и не принес им столько радостей защиты пером, как Вы». (Здесь кстати будет сказать, что письма Василию Ивановичу Шмелева, а также Алданова, Адамовича, Амфитеатрова, Айхенвальда и других русских литераторов (если перечислять, то придется «пройти» по всему алфавиту) при их возможной в будущем публикации дадут нам весьма многое для понимания духовной жизни Русского Зарубежья).

Между тем, в составе именно этого Зарубежья видели себя в эмиграции и представители других российских народов... Но никогда не соглашался Василий Иванович с теми, кто видел в жизни этих народов в СССР одни негативы. Как не был он, познавший в своих странствиях дореволюционную Россию, согласен и с вождем мирового пролетариата, назвавшим его родину «тюрьмой народов» (это сейчас – «самый-самый» аргумент у некоторых историков разъединенных народов бывшего Союза). Например, нередко в его пражской квартире гостили те, кто знал и помнил свои корни в родной ему по отцу Украине (в таких в Чехословакии оказалось больше, чем в любой из европейских стран), и как раз украинцы здесь, вне родины, а также белорусы, почти все разделяли этот его взгляд на дореволюционную Россию... Начиная – с членов «Общества студентов малороссов и белорусов», бывавших у него особенно часто... И пусть эти молодые люди не помнили запаха нежинских огурцов

(вдруг, однажды, каким-то образом доставили их в пражские магазины из украинского Нежина, так что чехи не успели опомниться, как весь привоз был разобран), но – именно средствами и усилиями членов этого Общества было напечатано открытое письмо (почтовая открытка) с изображением памятника Богдану Хмельницкому... Под изображением подпись: «Одному из творцов Великой России». И, ниже, мелким шрифтом, обращение этого великого гетмана к Переяславской Раде:

«– Всі ли тако соизволяете?

– Всі, всі, всі!

– Боже, сохрани, Боже, утверди, чтобы мы всі на віки едино булы».

...Нет, конечно, не разделял Василий Иванович господствующей тогда на его родине идеологии... Но почему в его архиве оказалась выписка из статьи Пьера Доминика во французской газете «Републик»:

«Гитлеровская Германия стремится к тому, чтобы обеспечить себе дружбу с балтийскими государствами: сначала зародить и развить в них фашизм, скопированный с немецкого расизма, а затем, когда эти местные наци захватят власть – заключить с ними союз. Если этот план удастся Германии, к самым воротам Петрограда протянется гигантский гитлеровский щупалец».

...Волновался старейший русский писатель за свою родину.

В 1929 году, 6 июня, пражское радио более четверти часа вещало (без перевода) на русском языке: Чехословакия отмечала День русской культуры. От ее имени, от имени великой культуры великого народа говорил почетный председатель первых «съездов писателей и журналистов за границей» Василий Иванович Немирович-Данченко. Он обращался не только к русским эмигрантам, но и ко всем славянам. И все – словаки, словены, словенцы, хорваты, чехи, поляки, сербы, македонцы, болгары – понимали этого, уже более полувека известного им писателя, все

понимали русский язык – потому что хотели тогда его понимать – до того, как братство славян, историческое, вне границ и собственных укладов внутренней жизни, было нами подменено «лагерем социализма».

Хотя уже и тогда, в тридцатые годы, славяне в Европе с горечью видели, как разрывают родственную им русскую культуру... Казалось, только бы радоваться, как того, кто выступал от ее имени, Василия Немировича-Данченко, спешили поздравить с его очереднымилетиями великие деятели этой культуры: Рахманинов, Репин, Шаляпин... «Да сохранит Вас Бог на нашу общую радость!» – это из письма Бунина.

Но – ни слова ему с родины, из СССР.

И, значит, для них тоже... Будто уже и не было для эмигрантов одного из создателей Московского Художественного театра, выдающегося режиссера, так много сделавшего для развития русского театрального искусства. Но – теперь столь признанного в СССР официально за постановки на сцене спектаклей: «Половчанские сады» Леонова, «Анна Каренина» и «Воскресение» по Толстому, «Горе от ума» Грибоедова, «Три сестры» Чехова, «Враги» Горького, «Любовь Яровая» Тренева... Жаль – не видели они этих спектаклей, иначе бы, может, и признали сами, что искусство в СССР подчас делает невозможное. Но нет: и здесь и там знали одного – «своего» Немировича-Данченко... Пожалуй что, не было в нашей отечественной культуре более разительного примера ее разрыва, чем это насильственное разъединение родных братьев. Каждая сторона видела за каждым из них свою Россию – здесь признавали ее только советской, там говорили, что Россию они увезли с собой.

Что ж, время – на все, что происходит... А Россия всегда одна, единая и неделимая духовно. Из этой России Василий и Владимир Ивановичи Немировичи-Данченко не эмигрировали никогда.

[\[*\]](#) В настоящей статье использованы материалы из архива

Вас. Ив. Н.-Д. в РГАЛИ (фонд 355).

[†] Сб.: Шипка и Плевна – слава русского оружия: Энциклопедический путеводитель по истории Балканской освободительной войны (в т. ч. в Сборнике – книга Вас. Н.-Д. «Год войны»). – М.: Современник, 2003. – 287 с.: ил. – (Мир познания). ...Однако «познать» этот сборник, составленный более чем на две трети из материалов и иллюстраций, не публикуемых в 20 в., не захотели: об издании этой большой (юбилейной) книги не сообщила в своих «летописях» даже Книжная палата РФ, и ввиду ее «некоммерческого» с точки зрения «товароведов» содержания не была она принята к продаже ни одним (книжным) магазином. ...Стоит ли после этого обижаться на «неблагодарных болгар»?

Людмила Алешина. Голос сердца

Алешина Людмила Николаевна – выпускница факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова. Почти 30 лет проработала в многотиражной газете Всесоюзного института легких сплавов. На протяжении многих лет журналистской деятельности готовила выпуски «Литературных страниц» в газете и на радио. Вела литературное объединение «Автограф» в Московском педагогическом колледже № 6. В 2002 году выпустила сборник стихов студентов колледжа под названием «Голос сердца», получивший первое место на творческом фестивале молодежи.

Член Союза журналистов Москвы. Ветеран труда. Награждена медалью «За трудовую доблесть».

Предлагаем читателям сайта стихи Людмилы Алешиной.

Быстротечность

Моей судьбы запутанная драма
На сцене жизни шла лишь только миг.
Но я ещё не пиковая дама,
Не нужен мне напудренный парик.

В моей душе трепещут птичьи трели,
Звенит далекий детский голосок,
Поскрипывают старые качели
И замки превращаются в песок.

И всё вокруг свою меняет цену
И изменяет краски и тона.

Я окунаюсь в эту перемену,
Она меня уносит, как волна.

Мгновенья не способны повторяться.
И, может, только камни сохранят
Мою судьбу, записанную вкратце
Одной строкой из двух коротких дат.

Тогда с высот далёких и незримых,
Где звёздный блеск и ледяная гладь,
Я буду охранять своих любимых,
Их путь земной любовью освещать.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Может, это времена иные,
Хрупкое виденье давних дней:
Легкие колеса кружевные,
И в упряжке – пара лошадей.

А в изящной маленькой карете.
Возвращаясь на круги своя,
Едут заблудившиеся дети
В дальние забытые края.

И тревожно цокают копыта.
И прозрачен белый свет дневной.
Все ушло, потеряно, забыто.
Как теперь воротимся домой?

Но знакомым призраком всплывая,
Вызывает в памяти ожег:
Старая карета, мостовая...
Мерный топот лошадиных ног.

ЗНАК

Я с Белого Острова к вам переправился вплавь.
И мне этот Остров во сне еще снится.
Я так и не понял то сон или явь,

Когда мне в окно постучала блестящая птица.

Я так и не знаю, откуда же птица взялась.

Но, может все это лишь бред сумасшедшего
сердца,

И в этот тревожный, неведомый час

Не знает душа, как же ей, одинокой, согреться.

У птицы на крыльях два ярких алмаза горят.

Откуда она появилась? Откуда?

Уйди от меня, мой бессовестный ад!

Пусть райские песни поет мне пернатое чудо!

Как зыбко мгновенье! Постой же! Постой!

Взмахнула крылами в лучах золотистого круга.

Мы, Птица Удачи, и раньше встречались с тобой.

Но только тогда не узнали друг друга.

МАСКАРАД

Возьму я и нарочно не умру.

Я думаю, что мне еще не время.

Нет, не умру, хоть наша жизнь в миру,

Пусть сладкое, но тягостное бремя!

Вот я враскачку уточкой плыву

Среди забот житейского болота.

Соломенную старую вдову

В душе, быть может, пожалеет кто-то.

Я знаю, это только маскарад,

Где я в костюме пожилой матроны,

Что прячет затуманившийся взгляд,

Оплакивая рухнувшие троны.

И выразив почтение сполна,

Вы ей присесть предложите, быть может,

Да спросите: здорова ли она,

Хоть Вас ее здоровье не тревожит.

Она, глаза устало закатив,
Присядет, тоже уваженья ради.
А озорной, насмешливый мотив
Звучит на этом странном маскараде.

Несется хоровод крестовых дам,
Кружась под звуки музыки эстрадной.
Но в голову придти не может Вам,
Что я костюм надела маскарадный.

НАДЕЖДА

Как заунывна песня ветра,
Как монотонна! Ну и пусть.
А где-то танго в стиле ретро
Его подхватывает грусть.

Я пред собой как будто вижу
В каком-то времени ином
Закат и кладбище в Париже,
Могилу русскую на нём.

Над нею в траурном молчанье
Склонилась русская княжна.
Вся в белом, словно изваянье,
И величава, и нежна.

Она, печально в землю глядя,
Скрестила руки на груди.
Её зовут по-русски Надя,
А на французский лад – Нади.

И грудь вздымается под блузкой,
И слёзы медленно текут,
Здесь мать её в земле французской
Нашла последний свой приют.

Их среди русских эмигрантов
Судьба на запад занесла,

Но Надя помнит бой курантов
И как звенят колокола

И ей Россия сердцу ближе,
Но всё ж Судьбе не прекословь,
Надежда русская в Париже
Хранила ВЕРУ и ЛЮБОВЬ.

В каком году всё это было?
Не знаю месяца, числа.
Сейчас забытая могила
Уже бурьяном поросла.

Но я опять как будто вижу
Во сне, а может, наяву:
Надежда молится в Париже
За незабвенную Москву.

ТАНЕЦ

На шумном праздничном балу
И всплески чувств, и красок много.
Канкан танцует Ля Гулу.
О, Ля Гулу! Три сладких слога.

В них отзвук будущей грозы,
И взмах ноги, и шелест юбки...
Таят волнующий призыв
Её насмешливые губки.

А невысокий человек
С танцовщицы не сводит взгляда.
Вкусил Анри Тулуз-Лотрек
Восторги сладостного яда.

Художник! Ты душой паришь.
Канкан – блистательная тема!
Канканом бредит весь Париж,
Канкан танцует вся богема.

Внезапный творческий полёт,
Любовь как выстрел пистолета,
И оглушает, и зовёт
В сплетенье ритмов, в вихре цвета.

Весна мелькает за весной,
И тают годы, как мгновенья.
Уйдёт он рано в мир иной,
Она состарится в забвенья.

Сказал Сократ, что смерти нет,
Небытие и жизнь едины.
И живописца, силуэт
Как будто виден у картины.

Пока таланта торжество
Ещё слезами не омыто,
А Муза дерзкая его
И молода, и, знаменита,

Художник в творческом пылу
Последний штрих кладет устало
Чтоб на картине Ля Гулу
Канкан веками танцевала!

У ЗАКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ

Мы с тобой постоим
У закрытых дверей.
Ты не будешь моим,
Я не стану твоей.

Никогда! Никогда!
Почему? Почему?
Всё пройдёт без следа,
Всё растает в дыму...

Лишь приснятся во сне
Тени давних картин.

Красной каплей в окне
Зацветёт бальзамин.

За окошком давно
Жизнь чужая течёт.
Ну, а нам суждено –
От ворот-поворот.

Твой задумчивый взгляд
Выразительней слов.
И замки не скрипят,
И ржавеет засов.

И засохший репей
Укрывает ключи.
У закрытых, дверей
Постоим, помолчим.

БАБА ДУНЯ

Баба Дуня глядит внимательно
На дорогу, прильнув к окну:
– Будет пенсия, обязательно
В церкви Ванечку помяну.

То ли некогда, то ли ленится,
– Не спешит ко мне почтальон.
А достану-ка я вареньица,
Чай давно уже вскипячен.

Фотография пожелтевшая
На столе лежит предо мной.
Где ж ты, молодость, отшумевшая,
Пролетевшая стороной!

Мы ходили, бывало, парюю.
Был ты молод, красив, здоров...
Фотография эта старая
Мне дороже любых даров.

Мы гордились любовью нашею.
Ох, как я была молода!
Ты меня называл Дуняшею
И Васильевной иногда.

Вместе с черною похоронкою
Прилетела в мой дом беда.
Ты повенчан с чужой сторонкою,
А к могилке-то нет следа.

Я ж повенчана с болью, с муками.
Я и нынче как на войне.
Если были бы дети с внуками,
Молочка бы купили мне.

Мне, ах, пенсия эта самая,
Уповать на тебя одну.
Получу – добреду до Храма я.
В церкви Ванечку помяну.

ВЕЛИКИЙ ГОРОД

Старинный сад, ограда кружевная...
Дома-дворцы. Течет Нева.
Она задумалась, как будто вспоминая
Былые дни, иные времена.

Санкт-Петербург! Здесь музыка застыла
Среди мостов, каналов, куполов.
Здесь вдохновенья плещущая сила
И голоса растаявших веков.

А небо как Царевна-Несмеяна,
И Музы здесь бросают якоря.
Санкт-Петербург во фраке из тумана.
В петлице – луч ночного фонаря.

Все это видеть следует воочию,
И невозможно позабыть потом!

Санкт-Петербург прекрасен белой ночью,
Санкт-Петербург великолепен днем.

Здесь Медный Всадник царственной рукою
Дорогу в вечность указывает нам.
Великий город! Город над Невой!
Ты триста лет живешь назло смертям!

ЗАГАДКА КАСПАРА

Мерцал в потёмках старенький фонарь.
Рука в окошко хлебец положила ...
О, бедный мальчик, маленький дикарь,
Какая кровь в твоих томится жилах?

Кровь своенравных властных королей?
Кровь царедворцев правящего дома?
Отведай хлеба и воды налей,
– Тебе еда другая незнакома.

Стекает сон с твоих тяжёлых век,
И колет грудь несъеденная крошка.
А в чёрной маске страшный человек
Опять глядит сквозь узкое окошко.

Ну, что сумел ты в памяти сберечь,
Не видя человеческие лица,
Не слыша человеческую речь,
И не умея плакать и молиться?

Как был ты при рожденье наречён?
Какая тайна скрыла это имя?
Ты от людей навеки отлучён,
Твоя судьба украдена другими.

Ты вышел к людям на короткий срок,
Немой посол неведомой планеты.
И до сих пор никто ещё не смог
К твоим загадкам отыскать ответы.

Что за рука готовила удар?
Кому с тобой на свете было тесно?
Тебя, о странный юноша Каспар,
Ножом убил такой же неизвестный.

КОРОНА И БОКАЛ

О, два брильянта моей короны:
Цвет темно-синий, цвет голубой...
На дне бокала настой лимонный,
Настой коварный, глоток хмельной.

Настой опасный: в нем капли яда –
Заснешь навеки. Спешу, спешу!
Но Белый Ангел: «Не пей, не надо», –
Шепнул мне тихо в ночной тиши.

И Белый Голубь взлетел над тронном,
И горьким ядом пахнул миндаль.
Бокал разбился с веселым звоном..
Бокал хрустальный, а мне не жаль!

Уже добычи не ждут вороны,
И темно-синий угас огонь.
И два брильянта моей короны
Скатились тихо в мою ладонь.

МИЛОНЕГА

Тонко скрипнули ворота,
Выпал ключик из руки.
На воротах – позолота
И хрустальные замки.

В платье, сотканном из снега
И серебряных теней,
Шла княгиня Милонегга
К тихой горнице своей.

Шла в прозрачном звездном блеске,

Шла сквозь призрачность веков.
И жемчужные подвески
Чуть качались у висков.

В волосах искрился иней.
Был румянец нежно ал.
Прямо под ноги княгине
Месяц с дерева упал.

Тонкий серпик слабо хрустнул
Под узорным башмачком.
И угас легко и грустно
В полумраке голубом.

Искра вспыхнет и остынет,
Как последняя печаль.
Видно, сказочной княгине
Вовсе месяца не жаль.

...Не замедлит время бега,
Не воротится, смеясь.
Торопилась Милонегга:
Из похода ехал князь.

ПРИНЦ И ЗОЛУШКА

Он нежно ей шептал:
– Останься дорогая...
Он нежно ей шептал:
– Мне так легко с тобой.

Но белая луна смотрела не мигая,
И слушался часов неумолимый бой.
Взметнулись стрелки, вечность разрезая,
Дыханье ночи стало горячей.

Лишь об окне она молила ускользя
– Не зажигай свечей, Не зажигай свечей...
Он не увидел ветхого наряда,

Испачканного пеплом и золой,

И только повторял:

– Не уходи, не надо!

Мне так легко с тобой,

Мне так легко с тобой.

Но вдруг очнулся, как от резкой боги.

Часы умолкли, замок опустел.

Был виден след её: ей ножку укололи

Осколки хрусталя на мраморной плите.

СОВРЕМЕННОК

Как-то раз, путешествуя где-то,

Тихо Муза над миром плыла.

И она полюбила поэта,

Подарила перо из крыла.

Он изящно бессмертные строки

Выводил этим чудным пером.

Только очень короткие сроки

Жизнь отмерила в мире земном.

Мрачно ветры холодные дули,

Был смертелен кусочек свинца...

След жестокой бессмысленной пули

Через наши проходит сердца.

Задрожит в золотом полумраке

Голубой полумесяц свечи.

Как знакома фигура во фраке,

Как взволнованно сердце стучит!

Имя Пушкин – такое родное

И привычное в славе своей.

...Набегает волна за волною,

Разметались колечки кудрей.

Невысокий походкой летящей,

Сам подобен мечте и волнам,
Из минувшего в день настоящий
Он пришел СОВРЕМЕННОМ к нам.

ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

Ваше имя не для прозы –
В нем поэты знают толк.
Имя цвета чайной розы,
Имя нежное как шелк.

Это звуки фортепьяно
Или эхо Ваших грез?
Имя Танечка, Татьяна
Греет сердце и в мороз.

День январский в блеске снега,
Синий лед, хрустальный звон...
Это Альфа и Омега
Для студентов всех времен.

И, как в сказке сокровенной,
Превратится грусть в золу.
Вы явились несравненной
Королевой на балу.

Виолетта Черкасова. «Одна судьба» и другие стихи

Одна судьба

У каждого судьба своя,
И каждая – неповторима,
Но общая для всех Земля,

И Солнце, и Луна едины.

У каждого своя любовь,
Свои дела и идеалы,
Но каждый хочет вновь и вновь
Глядеть в закат багряно-алый
И слушать, как шуршит волна –
Каёмка моря в белой пене,
И чувствовать: пришла весна
Душистым облаком сирени.

У каждого мечты свои,
Свои понятия о вечном,
И всё же помнить мы должны
О долге общем, человеческом:
Земную красоту хранить
Для всех грядущих поколений,
Чтоб не порвать живую нить
Любви, надежд и устремлений.

Лети, планета голубая,
Мы знаем, в Космосе нет дна.
У каждого судьба иная,
У человечества – одна.

Друзьям

Друзей в нашей жизни немного,
Но ими сильна земля –
Ведь с ними надёжней дороги
И с ними пропасть нельзя.

Так жаль, что уходит время,
Возврата к юности нет.
Но сердце – оно не камень,
Оно не стареет, нет!

Желаю я всем удачи,

Здоровья и счастья в семье,
И верных друзей, а иначе
Не выжить на этой земле!